

С. А. Тер-Авакимова

Армяно-русские отношения в период подготовки персидского похода

Во внешней политике России в первой четверти XVIII века значительное место занимала Северная война (1700—1721). Она окончилась полной победой России и подписанием Ништадтского мира в 1721 г., по которому Россия утвердилась на восточном побережье Балтийского моря. Была решена основная внешнеполитическая задача, выполнить которую Россия пыталась еще при Иване Грозном. Выходы к морям были жизненно необходимым условием для дальнейшего развития страны. Войну со Швецией Россия при Петре вела за Балтийское море, с Турцией — за Азовское море и Черноморское побережье, а целью похода в Персию было овладение Каспийским морем.

Борьба за овладение берегами Каспия и установление протектората над соседними землями вызывалась необходимостью улучшения экономического и военно-политического положения русского государства. Политика Петра совпадала с чаяниями этих народов и, в частности, армянского народа, стремившегося связать свою судьбу с Россией. Подготовка персидского похода и сам персидский поход, взаимоотношения народов Закавказья и, в частности, армянского народа с Россией, вмешательство Франции и Англии во внутренние дела России, позиция Турции в отношении Персии и России — все эти вопросы тесно переплетались между собой и были неразрывно связаны друг с другом.

Говоря о сношениях Петра I с армянским народом, Г. А. Эзов пишет, что они находятся в непосредственной связи с персидским походом и потому приобретают особое значение. Документы, относящиеся к этому периоду, «проливают свет на планы и виды Петра, на ту внутреннюю подготовительную работу, которой он предавался с замечательной энергией в течение многих лет, на те средства, коими он для этого пользовался»¹.

Одним из этих средств явилось дипломатическое посольство А. П. Волинского в Персию. В 1715 г., отправившись в Персию, Волинский имел при себе Инструкцию Петра, состоящую из двенадцати пунктов. Основные пункты Инструкции, на что следовало обратить особое внимание, были написаны рукой царя.

Петр придавал большое значение развитию торговли через Каспийское море и не жалел средств и сил для укрепления торговых отношений России со странами Востока. В частности, он всячески поощрял ар-

¹ Г. А. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 2.

мянских купцов. Россия по-прежнему стремилась к тому, чтобы армянское купечество возило свои товары не через Алеппо и Смирну, а по Волжскому пути. Необходимо было «персидские торги умножить и армян, как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»². Поэтому Петр I обязал Волынского действовать уговорами, поощрениями, если будет нужно употреблять и деньги, а если и это не поможет, то учинить «препятствие смирнскому и алеппскому торгам», т. е. препятствовать торговле через Турцию.

30 мая 1715 г. Петр I подписал грамоту персидскому шаху Султан-Гусейну, а 7 июля Волынский выехал из Петербурга. В помощь Волынскому были выделены дворянин Лопухин и несколько образованных людей из иностранцев, секретарь посольства саксонец Венигерканд, француз де-Виллет и англичанин Белл д'Антермони. Посольская свита состояла из чиновников, офицеров, священников, охотников и других лиц различных профессий.

По словам самого Волынского, он, до своей дипломатической миссии, о Персии знал «только где она, а какова она и каковы люди, о том и ведать...» ему «нужды не было».

На сотнях страниц журналов посланника Волынского день за днем даются описание городов, по которым проезжал русский посол, внутреннее положение Персии, дипломатические переговоры с персидским правительством и т. д.

В своих донесениях Волынский характеризует Персию как страну, несправедливо пользующуюся славой богатого государства. Вместо богатства, он наблюдал здесь бедность и нищету. Персидские правители, более заботясь о личных выгодах, чем о государстве, привели страну в такое состояние, что общий доход со всего персидского государства против 15 миллионов в прошлом теперь не превышал 6 миллионов рублей.

Остановливаясь на природных богатствах, занятиях жителей и их положении, Волынский констатирует, что в Ширване христиане «армянской веры» обременены большими налогами.

Джувльфинские купцы играли значительную роль в развитии экономической жизни Персии — они обогащали шахскую казну, хотя и были ограничены в своих правах. Зачастую, чтобы избежать вымогательства правительства, богатые купцы ютились в лачугах. Один из испаганских купцов обратился к Волынскому с просьбой вывести его из Персии. На вопрос Волынского, что побуждает его покинуть свою страну, он отвечал: «Кто имеет ум и добрый человек, лучше всякому отсюда бежать, нежели с бездельниками мешаться, которые свое отечество оборонить не умеют»⁴.

Постоянно сталкиваясь с купечеством, Волынский отмечает, что «здесь лучшие в купечестве армяне, а особенно Компания Джувльфин-

² ЦГАДА, Сношения России с Персией, л. . 1715 —1717 гг., л. 1.

³ См. Е. З е в а к и н. Азербайджан в начале XVIII века, Баку, 1929, Изд. общества обследования и изучения Азербайджана, № 3, вып. IV.

⁴ Там же, стр. 20.

ская». Для поощрения армянского купечества указом сената от 2 мая 1711 г. были подтверждены ранее данные льготы Армянской Джульфинской компании и введена новая льгота для беспошлинного ввоза драгоценных камней. Сенат считал, что «если с того камня и с жемчугу пошлин не иметь, то многие их братья из Турецкой земли поворотятся в Российскую..»⁵.

Россия, заинтересованная в установлении прочных торговых связей с Персией, имела в виду главным образом джульфинских купцов Испгани; через них она надеялась наладить выгодную для себя транзитную торговлю. Кроме выполнения условий заключенного в 1667 г. договора с Армянской компанией, копия которого была вручена посланнику вместе с Инструкцией царя, необходимо было содействовать росту этого купечества, «разведать о возможности» торговли через Персию с Индией, о товарах, необходимых для вывоза, о торговых путях. Чтобы позволить российским купцам вести беспрепятственную торговлю с Персией и закупать нужные товары, необходимо было также добиться согласия шаха на закупку шелка-сырца в Гиляне и в других провинциях и на ввоз его в Россию.

Самыми богатыми шелководческими провинциями являлись Гилян и Ширван, на которых подробно останавливается Вольтер в своих путевых записках. От этих провинций Персия получала больше доходы, однако статистические данные, собранные А. П. Вольтером, оказались весьма сомнительными, так как премьер-министр шаха (эхтомадевет) давал Вольтеру неполные сведения о годовых доходах этих областей.

Развитие шелкового производства в России поощрялось со стороны правительства. 10 марта 1710 г. персидский армянин Сафар Васильев подал челобитную царю о разрешении открыть шелковые заводы на Терреке, с привлечением знатоков этого дела. Его просьба была принята и удовлетворена. Буквально через три дня Петр I пишет А. М. Апраксину, казанскому воеводе, о разрешении Сафару Васильеву построить в Андреевске шелковые заводы на всех поставленных им условиях и добавляет: «Когда-то начатое дело порядок свой воспримет и шелк из дела выходить будет, тогда ему, Сафару, платить с оною в нашу, великого государя, казну, пошлины по армянскому прежнему договору, каков есть в нашем государственном посольском приказе или с ним тогда учинить о том особый договор»⁶.

Стараясь удовлетворить запросы армянского купечества, Петр I и в дальнейшем неоднократно настаивал на необходимости «персидские торги умножить и армян, как возможно, приласкать...».

В 1718 г., когда Вольтер пребывал в Шемахе, к нему обратился армянский купец Манусов, житель города Ганджи, с просьбой содействовать его желанию ввозить шелк-сырец в Россию. Вольтер с го-

⁵ «Полное собрание законов», № 2, 356, лл. 487–507.

⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Арменией, л. 3, 1710 г., лл. 1–9.

товностью обещал Манусову поддержку и различные льготы, попросив его разъяснить другим купцам, насколько выгоден и удобен торговый путь через Россию и постараться привлечь как можно больше армянских купцов к торговле с Россией.

И несмотря на все это, армянские купцы не соглашались вести транзитную торговлю исключительно через Россию. Многие из них продолжали вести торговлю, как говорится в документах, «через Алеп и через Смирну». Вследствие этого, указом от 6 июня 1719 г., армянских купцов лишили торговых льгот и преимуществ перед иностранцами. Только в следующем, 1720 г., когда армянские купцы пообещали вести торговлю, не нарушая договора, вновь были восстановлены прежние льготы⁷.

Сильное желание Петра I склонить джульфинских купцов к систематической торговле с Россией и только через Россию, еще раз говорит о том, что русско-персидская торговля осуществлялась в основном через посредство армянских купцов.

Вопросом регулирования торговых интересов России занимался не только Волынский. Неоднократно давались инструкции на этот счет и резиденту в Константинополе Неплюеву⁸.

Посольство Волынского стремилось разрешить одну из главных задач подготовки планируемого Петром похода в Персию — привлечение армянского торгового купечества на сторону России, установление экономических и политических связей с народами Закавказья и, в частности, с армянским народом.

Не одни только торговые связи армян с Россией имел в виду Петр I. Он интересовался численностью армян и их настроением в отношении России, чтобы представить, насколько надежной опорой они могут быть в осуществлении политики России на Востоке. Волынскому было поручено «разведывать об армянском народе, много ли оно и в которых местах живет и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или купцов и каковы они к стороне царского величества. Тако же и являться к ним ласково и склонить их к приязни, тако же осведомиться нет ли каких иных в тех странах христианских или иноверных с персами народов, и ежели есть, каковы они состоянием»⁹. Посланник также должен был сообщить сведения о послых от других государств в Персии и о содержании трактатов, с которыми они обращались к персидскому двору.

Помимо упомянутых указаний, на Волынского была возложена задача — рекогносцировать Персию и с военной точки зрения.

Высмеивая имеющиеся укрепления персидских городов, Волынский говорит о крепости города Фархабад, построенной шахом Гусейном. «Но счастлива сия мнимая крепость, что великих часто дождей тамо не бывает, а то бесконечно и от того могла разоритца...»¹⁰.

⁷ См. В. П. Лыслов, Персидский поход Петра I (1722—1723), стр. 58.

⁸ См. АВПр МИД, ф. Сношения России с Турцией, д. 4-а, 1780 г., л. 22.

⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, д. 1, 1715—1717 гг., л. 6.

¹⁰ Е. Зевакин, Азербайджан в начале XVIII века, стр. 20.

Выясняя, согласно Инструкции, насколько основательно заботится Персия о своей стране, о ее обороне, А. П. Волынский пришел к следующему заключению: укрепленных крепостей почти нет, войска шахские малочисленны и немощны и не могут дать должного отпора афганским нашествиям, а шахская казна бедна. В немощности персидских войск Волынский убедился еще тогда, когда Султан-Гусейн-шах в 1717 г. собрал в Казвине войско для отпора афганцам. «И поистине великому удивлению и смеху достойно,— писал Волынский,— что они, лезгинцы, чинят с персияны».

Один из пунктов Инструкции, написанный Петром, давал посланнику более широкие полномочия. Он гласил: «Все что к прибыти касается Российского государства, то чинить, хотя чего здесь и не упомянуто, тако ж пункты, от которых может подозрение быть, гораздо тайно держать и зело искусно, и помалу поступать, дабы всего не испортить, что все чинить как доброму и верному человеку надлежит»¹¹.

Появление посланника Петра I произвело на персидский двор сильное впечатление. Волынский держался гордо и независимо, сейчас же высказывая прямо и без утайки свое недовольство, если оно возникало даже по самому незначительному поводу. Волынский говорил премьер-министру шаха эхтома-девлеу об армянах, притесняемых в Персии: «Понеже великую неволю терпят в своей вере, так же здесь обычай не токмо у других, но и у жюльфинцев насильно отнимают жен и детей, и неволью бусурманят»¹².

В архивных документах имеется интересное свидетельство о бесчинствах, учиняемых в отношении женщин-армянок, об их насильном «обусурманивании», о тяжелой участи невольниц: «18-го числа поутру пришел к посланнику один армянин... и объявил, что ныне в ночи пришла к нему одна невольница из тех, которые были отданы Али-Кули беку... именем Ажален Шахан, который уздав о приезде посланника за несколько дней, ее сковал и принуждал, чтоб она обусурманилась, чего она учинить не хотела. Того ради господин ее хотел убить до смерти цав ей термин до утра, от которого страха она принуждена из-за караула утить освободя с одной ноги железа, с которыми и к нему пришла, за что ему посланник благодарил, что он ее принял, а велел привесть к себе, что оной обещал»¹³. Тот же армянин сказал, что их много таких пленниц-армянок: «...Некоторые померли, а иные распроданы и развезены, а куда не знает, только ведает, что еще одна есть здесь у некотораго басурмана также скована...»¹⁴. Волынский, по-видимому, не только скрывал в посольстве невольниц, но и выкупал, платя за их свободу деньги.

Персидское правительство, с одной стороны, оказывало русскому послу внешние знаки внимания, с другой — старалось мелкими издевками показать русскому послу, что он непрощенный гость. Ввиду бесчинств

¹¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1, 1715—1717 гг., л. 51.

¹² Там же, д. 3, 1716—1718 гг., л. 218.

¹³ Там же, л. 2, 1715—1718 гг., л. 347.

¹⁴ Там же.

ханских везирей и шахских вельмож, особенно в отношении русских подданных, пребывавших в Персии, главным образом, по торговым делам, русский посол предложил персидскому двору ряд пунктов, требовавших устранения этих бесчинств и некоторых конфликтов, происшедших между русскими купцами и отдельными лицами, подвластными Персии. Любопытно, что когда посланник говорит об отдельных конфликтах, шах дает согласие расследовать их и наказать виновных, когда же посланник напоминает ему о бесчинствах наместников самого шаха в отдельных областях Персии, шах отмалчивается.

Посланник старался заверить персидское правительство в том, что он послан с мирными целями и намерениями, главным образом для урегулирования торговых связей России с Персией, и для того, чтобы разведать, «какие обиды здесь учинены подданным державы его величества». Однако, не доверяя ему, премьер-министр шаха фактически подверг посланника домашнему аресту. Он установил стражу перед посольством, будто бы в знак уважения, а на самом деле, по словам Волынского, — для препятствий, ни один купец или «ремесленный человек» не мог связаться с посланником, так как их избивали и выпроваживали вон.

Волынский был вынужден подумать о преждевременном выезде из Персии. Такова была и воля шаха, и русскому посланнику предлагалось немедленно ее выполнить.

По вопросу регулирования торговли с Армянской джульфинской компанией Волынский не смог заручиться помощью персидского правительства. Шах считал, что «купцам есть воля их как хотят, так и торгуют и ежели оной компании насильство будет, в том чтобы от иных стран свое купечество отставить и в Россию возвратить, то будет, что им уже и не торговать, и такое повеление есть непристойное. Того ради повелели и поволили, чтоб всякой ис купцов кто захочет свои товары да возит и торгует»¹⁵.

Тем не менее, благодаря своей настойчивости и дипломатическому дарованию, посланник в конце концов добился заключения русско-персидского договора 1717 г., который был ратифицирован шахом в 1720 г. Договор обеспечивал право на свободную торговлю для русского купечества по всей Персии и на закупку шелка-сырца в Гиляне и Ширване; частичное возмещение убытков, нанесенных русскому купечеству, и защиту его торговых интересов, которые ущемлялись со стороны персидского правительства.

Возвращаясь в Россию, посланник имел подробные данные о естественных богатствах и полезных ископаемых, о военных силах и оборонноспособности Персии. Следовательно, он не только выполнил основные пункты официальной Инструкции, но и вез в Россию ряд важных сведений, могущих помочь при осуществлении персидского похода.

Согласно негласному тайному поручению Петра I, Волынский вел переговоры с Минасом Вардапетом, пребывавшим в то время в Персии,

¹⁵ Там же.

и с Фарседан-беком, приближенным грузинского царевича Вахтанга Леоновича. Фарседан-бек прибыл в Шемаху к Волинскому и предлагал ему снестись через него с Вахтангом VI, который окажет ему помощь в немедленном выступлении против шаха. Волинскому это предложение показалось несвоевременным и он ответил с дипломатической тактичностью, что, во-первых, он прислан сюда «не для войны, а для мира...» и, во-вторых, было бы совершенным безумием начинать ему военные действия, имея при себе один только двор. После неоднократных посещений Фарседан-бека Волинскому стало ясно, что Вахтанг хочет заверить русского царя через посланника в своей готовности выступить в помощь России в борьбе против общего врага закавказских народов и что вынужденное принятие им магометанства не может быть помехой в этом деле. Фарседан-бек был связан также и с Миной Вардапетом, который в 1716 г. направился в Персию якобы только за завещенным ему имуществом Исаи Ори. Петр I придавал серьезное значение поездке Мины Вардапета в Персию и подканцлер Шафиров советовал Волинскому связаться с ним¹⁶.

Направившись из Петербурга в Персию, Мина Вардапет побывал у эчмиадзинского католикоса и рассказал ему, какие важные поручения имеет от царя, объявленные ему через подканцлера Шафирова¹⁷.

Католикос заявил, что он тоже будет служить общему делу и в случае войны с Персией окажет русским войскам военную помощь. Мина Вардапет побывал также и у гандзасарского католикоса Есаи, который поддержал его и сказал, что уже отправил Петру I письмо от 13 августа 1716 г., где он говорит о готовности армян помочь России во время похода: «...А когда Ваше величество таковые свои воинские дела изволите начать, тогда прикажите нас наперед уведомить, чтоб я с моими людьми верными, по возможности и по требованию Вашего величества, служить могли и изготовились»¹⁸.

Мина Вардапет доставил Петру I дополнительные сведения о Персии и, в частности, о том, что армяне готовы принять участие в борьбе и что их «тысяч с двести и то — купечество и крестьянство; и если случай позовет к войне на персов, то они, как он чаёт, совершенно все в стороне царского величества склонятся, понеже они от персов великие на себе несут тягости»¹⁹.

Волинский говорит в своих дневниках, что посольству преграждали путь и спрашивали, когда же русские войска войдут в Персию, не только жители христианского вероисповедания, но и магометане — жители Шемахи. Это заявление Волинского подтверждается сообщением голландского путешественника Карнелий-де Бруина, посетившего Шемаху в 1707 г. и писавшего о том, что шемахинцы ничуть не боятся прибытия

¹⁶ См. Г. А. Эзов, Сношения Петра I с армянским народом, д. № 315.

¹⁷ См. там же, док. № 209.

¹⁸ АВПр МИД, Сношения России с Арменией, д. 1, 1723 г., лл. 6—7.

¹⁹ Г. А. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, док. № 209.

русских войск не окажут им сопротивления и молят бога, чтобы русские взяли Ширван.

Результатами деятельности Волынского Петр I остался доволен, выслушав подробную информацию посланника, прибывшего в Петербург 30 декабря 1718 г. «Ничего не скрылось по пути от наблюдательного взгляда Волынского. Он обратил внимание на торговое значение Каспийского моря и на прикавказских горцев, и на закубанцев, постоянно опустошавших своими набегами наши южные окраины: присмотрелся он в Астрахани к местным порядкам, познакомился с краем, отписал Шафирову и доложил Петру Великому...»²⁰.

По приезде Волынского Петр I имел с ним «важный разговор» о распространении русской торговли вплоть до Индии и о присоединении к России прикаспийских областей²¹.

Волынский считал, что необходимо, в интересах укрепления границ российского государства, взять под защиту богатые персидские области, лежащие по берегу Каспийского моря, которыми могут овладеть афганцы²². Он предлагал Петру поскорее направить в эти области войска.

За успешную дипломатическую миссию Петр оказал «особливую милость» Волынскому, произведя его в полковники и генерал-адъютанты и вслед за тем назначив его губернатором «во вновь учрежденную» Астраханскую губернию.

Волынский взялся за непосредственное осуществление подготовки к персидскому походу. Он вступил в оживленную переписку с Вахтангом VI, который отвечал, что готов оказать военную помощь и ждет соответствующих указаний российского правительства²³.

Воспользовавшись слабостью персидского правительства, афганцы предприняли походы против Персии, первый — в 1720 г., второй — в 1722 г. Во главе афганского войска стоял Мир-Махмуд Кандагарский хан, которому шах Султан-Гусейн вынужден был уступить свою власть. Между ним и претендентом на престол — сыном Султан-Гусейна-Тохмаспом началась борьба. Персии угрожала опасность быть окончательно покоренной.

Интересы России и Турции сталкивались в отношении Персии. Петру I необходимо было занять прикаспийские области еще и потому, чтобы не дать Турции утвердиться в них.

Для России сложилась ситуация, благоприятная для решительного вмешательства в персидские дела. Петр I оповестил персидское правительство о том, что он идет помочь «нашему верному приятелю и соседу, знатнейшему шаху персидскому» против бунтовщиков. Петр I встал

²⁰ «Древняя и Новая Россия», 1876 г., т. I, Артемий Петрович Волынский, гл. I—II, стр. 59.

²¹ См. Журн. «Русская старина», 1872, т. I, стр. 60. Письма Волынского из Персии.

²² См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1800 гг., ч. I, стр. 6.

²³ См. «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государствами от 1639 г. по 1770 г.», СПб., 1861, стр. 180.

на сторону Персии. Этого требовали интересы России: надо было овладеть побережьем Каспийского моря и не допустить усиления Турции за счет персидских владений. К тому же он надеялся, что в ответ на его готовность помочь Персии, персидское правительство уступит России прикаспийские владения. Однако, несмотря на мирные переговоры и на угрозу со стороны Турции, Персия не согласилась уступить России прикаспийские области и отказала ей в ратификации Петербургского договора. Турция в это время также принимала меры к тому, чтобы не допустить Россию в прикаспийские области. Турецкий посол Дери-Эфенди в 1721 г., вернувшись из Испагани в Константинополь, пишет султану пространную докладную о положении Персии, о ее слабости в экономическом и политическом отношении. В своей докладной записке он описывает и разорительное нашествие афганцев, которым Персия не в состоянии противостоять²⁴.

Вслед за докладной запиской Дери-Эфенди султан получил доклад эрзерумского паши (визиря Силахтара Ибрагима-паша) вместе с документами (письмами) тавризовских, французских и персидских купцов о состоянии Персии и об осаде афганцами Испагани. Получив эти сведения, султан созвал «диван» — султанский совет, который вынес следующее решение: положение граничащей с Турцией страны, могущей подпасть под власть других стран, диктует «приступить к захвату всех земель и городов вне сферы Испагани». «Диван» циркулярным фирманом предписывал багдадскому, басринскому, ванскому, эрзерумскому, карсскому «вали» (наместникам), чалдырскому и шехризорскому беглербекам готовиться к походу.

Однако Хасан-паша, которому, видимо, было поручено заняться персидскими делами, просил султана временно приостановить подготовку к походу, пока не выяснится политическая линия афганца — Мир-Махмуда. Султан и главный визирь согласились с его мнением. Через некоторое время багдадский вали доложил о занятии афганцами Испагани, о пленении шаха и его сына и выразил уверенность, что настало время с «божьей помощью» присоединить большую часть персидской страны к стране османского падишаха. Султан у муфтия получил фетву (право) о расторжении турецко-персидского договора (от 1639 г.)²⁵. России, несомненно, была известна позиция турецкого правительства, и когда афганцам удалось временно захватить Исфагань, Петр I стал опасаться того, что турецкое правительство использует падение Персии в своих интересах и попытается утвердиться на Каспийском побережье.

В августе 1721 г. по наущению турецкого султана, дагестанский феодал Дауд-бек и казыкумицкий владетель Сурхай напали на Ширван, и нанесли русскому купечеству большой урон.

²⁴ См. «Тарихи-Рашид» (История Турции), т. V, стр. 390—398 (см. архив Института истории АН Армянской ССР, п. «Турецкие источники об Армении и армянах», перевод с турецкого на армянский язык).

²⁵ См. там же, т. VI, стр. 61—65.

Ограбление русских купцов в Шемахе было удобным поводом, чтобы Россия начала военные операции. Волынский писал Петру I, что в данном случае российское правительство выступает в защиту своих исконных торговых прав. На самом же деле главной причиной военных действий являлась опасность вмешательства Турции, которая могла захватить южный Азербайджан, все Закавказье и, в частности, прикаспийские области.

При сложившихся обстоятельствах России необходимо было заручиться помощью армян и грузин, территории которых в стратегическом отношении представляли определенное препятствие для Турции. Армения и Грузия, поделенные между Персией и Турцией, сделались ареной бесконечных войн.

Во время нашествия афган, когда Мир-Вейс вошел в Испагань, пишет армянский историк Хачатур Джугаеци, он ограбил и обложил жителей Новой Джуги налогами в 100 000 туманов, а на протест жителей ответил убийствами армян²⁶.

Современник нашествия афган Петрос ди Саргис Гиланец описывает бедствия, которые претерпевало население при сыне Мир-Вейса Махмуде. Когда Махмуд вошел в Джульфу и армяне не пришли к нему на поклон, он приказал перерезать их всех, но затем, будто бы смилостивившись, сказал: «...Дарю армянам их кровь. Я наложил на них контрибуцию 120 000 туманов, пусть поскорее подумают о том, как уплатить»²⁷.

Несмотря на то, что турецкие и персидские поработители всячески притесняли армянский народ, он последовательно вел борьбу за свое освобождение.

Народы Закавказья просили Петра продвинуть русские войска в глубь Закавказья, чтобы освободиться от персидского ига и постоянной угрозы со стороны Турции²⁸.

8 марта 1722 г. Минас Вардапет вновь доносит в коллегияю иностранных дел о просьбах армян.

Гандзасарский католикос Нерсес пишет Петру I о тяжелой участи армянского народа, ожидающего помощи от России, и о том, что персидские власти особенно рассвирепели, когда узнали, что на соединение с армянами придут «принц грузинский Вахтанг с воинскими людьми около 50 или 80 тысяч»²⁹.

В начале 1722 г., перед походом, посланник от грузинского царя Вахтанга VI Б. Туркестанов представил русскому императору грамоту с просьбой о покровительстве, на которую последовал ответ Петра I Вахтангу VI: «...Вы для пользы христианства по ревностному своему

²⁶ См. Хачатур Джугаеци, История Персии, Вагаршанат, 1905, стр. 236.

²⁷ «Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланцем в 1722 и 1723 годах», стр. 9.

²⁸ См. Г. А. Эзов, Сношения России с армянским народом, док. № 229.

²⁹ АВПР МИД, ф. Сношения России с Арменией, 1722 г., д. 2, лл. 1—2.

обещанию с вашими войсками к нам будете, только надлежит вам, чтоб продчих ваших народов христиан, которые под турецкою властью никакого б движения не чинили, дабы тем не привлечена была оная держава напрасно к затруднению сего от бога благословенного дела». Петр считал необходимым, чтобы Вахтанг со своими людьми дал отпор лезгинам и сообщил бы об этом русскому правительству «к Аграхани, к Гаркам или Дербени, где будем обретатца»³⁰, т. е. туда, где будут находиться русские войска. Если придется соединиться с русскими войсками, то делать это осторожно, не притесняя местных жителей, чтобы не напугать их и не нарушить их мирной жизни.

3 августа была отправлена Вахтангу грамота о том, что местом соединения грузинских войск с русскими будет территория между Дербентом и Баку. 15 августа Вахтанг отвечал Петру I, что его грамота соответствует всем желаниям и намерениям грузин и он соберет войска «20 августа в Гандже буду,— писал Вахтанг,— и которые там жкие армяне у персиян есть, также и войска их соберу, и возьму с собою, и от туду буду войну чинить на лезгинцев, и при том буду ожидать вашего величества милостивых указов»³¹.

Азербайджанский народ в подвластных Персии владениях также ждал русских, видя в них единственных избавителей от турецкого и персидского ига.

22 августа 1722 г. бакинские жители написали Петру I письмо следующего содержания: «...К нам в Ширван счастливо путь восприяты соблаговолили с намерениями, чтоб как возбудителю, так и самым против его шахова величества восставшим бунтовщикам повинностей их достойное учинить наказание, что мы ис присланного вашего величества манифеста выразумели. ...Вам так известно, что мы другой тому уже год коим образом от сих его шахова величества неприятелей обороняемся, ибо многократно хотели обманом пришед к нам, город взять нас, в свою партию склонить и до конца разорить; мы же во обман себя не дали и от такого стыда и безчестия себя сохранили»³². Это письмо, адресованное Петру I, было написано на турецком языке, а копия — на персидском — была направлена резиденту Неплюеву.

На многочисленные письма и просьбы представителей народов Закавказья Петр отвечал, что помочь им сможет позже. Когда «на Каспийском море укрепимся», тогда «в помощь войскам нашим... не оставить, несмотря на то, что хотя бы у нас оттого дошло и до войны с турками»³³ — писал Петр.

Однако доводить дело до войны с турками Петр не хотел.

В разговоре с турецким визирем Неплюев заверял его, что поводом к персидскому походу, предпринимаемому Петром I, является наказание лезгин, напавших на русских купцов в Шемахе, и что Россия не хо-

³⁰ ИГАДА, ф. Сношения России с Грузией, 1556—1700 гг., д. 15, л. 485.

³¹ Там же, л. 487.

³² АВПР МИЛ, ф. Сношения России с Турцией, д. 2, 1723 г., лл. 21—22.

³³ В. П. Лысков, Персидский поход Петра I, стр. 72—73.

чет вмешиваться во внутренние дела Турции. В это время Турцию очень беспокоили дальнейшие виды России на подвластные ей территории, по поводу чего Петр I пишет Неплюеву: «...При Порте лживые о том походе нашем и о действиях внушения и разглашения надлежащим образом опровергать... и (что) оные наши войска к турецким границам в Жоржию (Грузию) и Армению приближатца не будут, но пройдут оные как не приложенной ведомости видимо подле берегов Каспийского моря»³⁴.

Россия всячески старалась наладить мирные отношения с Турцией через резидента Неплюева и французского посла де'Бонака, который в это время пребывал в Константинополе и играл посредническую роль между Турцией и Россией. На де'Бонака с одной стороны действовал Неплюев, с другой — французский министр Кампредон из России под влиянием канцлера Головкина, который писал Неплюеву: «...И Кампредон по нашему желанию к послу их (де'Бонаку) с подтверждением писал, дабы он чрез все возможные способы Порту от нарушения с нами мира удерживал»³⁵.

Русскому правительству необходимо было правильно ориентироваться в планах и намерениях Турции. В рескрипте государственного канцлера Головкина и подканцлера Шафирова от 2 марта 1722 г. предписывалось резиденту И. Неплюеву «через все удобовозможные способы разведываться не намерена ль Порты против венециан и цесаря или которой иной державы войну начать и нет ли уже к тому каких у турок тайно приготовлений во флоте в артиллерии и провианте что во всем том от времени до времени происходить будет також и от протчих каких при турецком дворе новых делах или временах в правительстве и о всем тамошнем состоянии немедленно и почасту нам доносить...»³⁶. Утвердиться на западном побережье Каспийского моря с целью лишить Турцию стратегических преимуществ — такова была первоочередная задача Петра.

Грузию, Армению и Азербайджан Петр намеревался взять под свой протекторат. Это укрепило бы положение России в стратегическом отношении и помогло бы ей обрести в лице народов Закавказья верных союзников. Русским войскам, вступившим в 1722 г. в Дербент и в 1723 г. в Баку, население этих городов не оказало сопротивления. Ввиду трудностей пути, недостатка в провианте, плохого состояния конницы и флота, русские войска из Дербента вернулись в Астрахань, а в Персию была послана военная экспедиция. Обессиленная Персия не могла сопротивляться русскому войску, и Петр решил, что военную операцию успешно завершат и несколько экспедиций, при участии легкоподвижных гарнизонов. Занятие генерал-майором Мотюшкиным города Баку он назвал «ключем ко всему нашему делу», т. е. к персидскому походу.

³⁴ АВПР МИД, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., л. 3, л. 128.

³⁵ Там же, л. 6/П ч., л. 457.

³⁶ АВПР МИД, ф. Сношения России с Турцией, 1722 г., л. 4.

Однако возвращение русских войск в Астрахань объяснялось не только этими обстоятельствами. Русские войска не пошли дальше Дербента главным образом потому, что Россия, и так уже отдавшая достаточно сил русско-шведской войне, не хотела втягиваться в войну против Турции. На армян и грузин, не получивших военного подкрепления из России, возвращение русских войск из Дербента произвело удручающее впечатление. Петр I успокаивал их тем, что предпримет второй поход с целью освобождения народов Закавказья.

12 сентября 1723 г. был подписан договор между Россией и Персией, по которому Дербент, Баку, Гилян, Мазандеран и Астрабад отошли к России.

Включение прикаспийских областей в состав России содействовало дальнейшему укреплению как экономических, так и политических связей между народами Закавказья и Россией. В ответ на многочисленные письма армян о тяжелом положении армянского народа под игом персидского правительства, по указу Петра I государственная коллегия иностранных дел отправила «к армянскому народу, обретающемуся в Персии»³⁷, посла Ивана Карапета, снабдив его грамотой и «некоторыми словестными предложениями».

В 1724 г. карабахские мелики сообщили в Эчмиадзин о прибытии посланника. Овасап вардапет, заместитель католикоса, в своем ответе описал тяжелое положение жителей Еревана, Эчмиадзина и его окрестностей и просил заверить посланника, что надежды и чаяния свои армяне связывают с северянами и ждут их прихода. В конце письма он изъявил желание, чтобы посланник отправил его письмо русскому двору. Вардапет хотел, чтобы русский двор был совершенно убежден в русской ориентации населения Армении. Это письмо является важным документом в истории армяно-русских отношений первой четверти XVIII в. Оно свидетельствует о том, что, несмотря на прерванный персидский поход, утверждение русских войск в прикаспийских областях еще более укрепило среди армян веру в Россию, и они не только не отчаялись, но и продолжали поддерживать свои политические связи с Россией в надежде на новый поход, который привел бы Закавказье под протекторат России. Освободительное движение в Ереване и особенно в Карабахе и Сюнике было вызвано идеей персидского похода.

Героическая борьба Карабаха и Сюника с 1726 г. вписала новую славную страницу в историю освободительного движения армянского народа. Она свидетельствовала о политическом сближении с Россией и об укреплении армяно-русских отношений.

Освободительное движение армянского народа было тесно связано с освободительным движением народов всего Закавказья.

Персидский поход Петра I и утверждение русских войск на побережье Каспийского моря явились главным вдохновляющим стимулом

³⁷ АВПР МИД, ф. Сношения России с Арменией, 1723 г., д. 2, л. 27 с об.

для народов Закавказья в их борьбе за освобождение от ига Турции и Персии.

Армянское освободительное движение в начале XVIII в. было связано с именем Исраела Ори. Он явился фигурой, сыгравшей в судьбе армянского народа особенно важную роль. Он выступает перед русским государством с выработанной пространной программой действия в деле освобождения своего народа с помощью России.

Непосредственная подготовка к персидскому походу началась с 1715 г., т. е. со времени посольства Волынского, которое фактически продолжало дипломатическую миссию Исраеля Ори по подготовке к походу. Посольство Волынского решило одну из основных задач своей миссии: оно упрочило экономические и политические связи России с народами Закавказья. Доставив исчерпывающие сведения о стратегическом и политическом положении Персии, посольство способствовало осуществлению восточной политики России. Результаты его деятельности обеспечивали успех русского государства в предстоящем персидском походе. Волынский, будучи посланником в Персии и позже астраханским губернатором, сыграл исключительно важную роль в подготовке похода. Овладение русскими войсками побережья Каспийского моря усилило освободительное движение народов Закавказья, укрепило в них веру в освободительную миссию России, а также обезопасило юго-восточные границы России от посягательств Турции.

Подготовка персидского похода и сам персидский поход отвечали коренным интересам класса помещиков и нарождавшегося купечества. Видя в народах Закавказья, в частности в армянском народе, опору в осуществлении своих планов на Востоке, Петр I старался удовлетворить их требования,— разумеется в той мере, в какой они совпадали с интересами господствующего класса России.

С начала XVIII в. почти все слои армянского населения тяготели к России, но каждый исходя из своих сословных и классовых интересов. Освободительное движение армянского народа надо рассматривать в единстве с борьбой и стремлениями народов Закавказья. Желание народов Армении и всего Закавказья связать свою судьбу с Россией объективно совпадало с политикой русского государства в этот период.